

Виктор Вургафтик

Богословие обряда (1)

Апрель-май 1989

Под верой я буду понимать христианскую веру, вокруг которой обращается вся жизнь человека, веру, которая всю её освящает. Конечно, он не может о ней не говорить, по крайней мере, про себя. Но то, о чём он говорит на каком бы то ни было языке – философском, поэтическом, музыкальном, языке танца, живописи и др., т.е. содержание его высказывания, может быть лишь тем или иным психическим состоянием; когда мы говорим как будто о внешних вещах, в действительности мы говорим лишь о своих впечатлениях. Вера, о которой человек только говорит (себе или другим), ещё психологична и, как всякое психическое состояние, не есть подлинная реальность.

Но не имеет реальности лишь *содержание* высказывания, высказывание же в целом, т.е. писание трактата или стихотворения, музицирование, танец, живописание и др., реально. Поэтому подлинно реальна не та вера, которая является *содержанием* высказывания, а та, которая *тождественна* высказыванию. Вера тождественна высказыванию лишь в том случае, если оно является молитвой. Молитва может не только состоять из слов или слов и телесных знаков, но также быть музицированием, танцем, живописанием и др.

Однако молящийся человек, оторванный от других людей, не вполне реален, отчего не вполне реально и его высказывание – молитва. Дело в том, что Бог сотворил человека не как отдельное существо, а как существо, связанное с подобными ему существами (Быт.2:18,21-24; Еккл.4:7-12). Человек, связанный с другими людьми, сотворён Богом и потому реален; человек же, оторванный от всех других людей, – результат греховного искажения того, что сотворил Бог, и потому не совсем реален: Бог сотворил человека не таким. Но людей связывает обмен высказываниями, к которым относятся также безмолвные прикосновения друг к другу или действия в совместном производственном процессе, являющиеся и подаваемыми друг другу знаками. Какое же высказывание может связать молящегося человека с другими людьми, кроме этой же молитвы? Но для этого она должна быть *обращена* к ним: чтобы молитва была вполне реальной, она должна быть обращена не только к Богу, но и к другим людям. Такая молитва есть обряд. Здесь я, как правило, буду понимать это слово в смысле обряда, совершаемого перед другими людьми.

Итак, вполне реальна лишь вера, тождественная обряду. Она есть обращение к Богу и людям. Но обряд сам по себе – просто как высказывание, состоящее из слов, телесных знаков или тех и других, – только говорит об обращении к Богу, имеет это обращение лишь своим содержанием. Действительным обращением к Богу является не сам обряд, а тождественная

ему вера, сам же он обращён к Богу лишь формально. Ясно, что он не тождествен вере. Таким образом, реальная вера определяется формулой:

вера есть вера, тождественная обряду,
но сам обряд не тождествен вере.

Общая схема этой противоречивой формулы называется односторонним синтетическим тождеством. Одностороннее синтетическое тождество применяется и к другим духовным вопросам. Оно найдено Я.С. Друскиным. Данная формула получена мною с помощью его рассуждения «Религиозный радикализм и традиционализм. Индивидуализм и соборность» и, мне кажется, выражает его взгляд на отношение между верой и обрядом. Очевидно, реальная вера есть не состояние, а акт – акт веры.

Так как вера, тождественная обряду, есть вид соборности, то без соборности нет и вполне реальной веры. Но, если ущербна вера, не тождественная обряду, то обряд, которому не тождественна вера, представляет собою, по выражению Я.С. Друскина, мёртвую шелуху. Совершение такого обряда возможно, мне кажется, в трёх случаях.

Во-первых, он может совершаться без какой бы то ни было веры, под давлением внешних обстоятельств.

Во-вторых, он возможен с верой, при которой центром всей жизни не является Сам Бог.

В этом рассуждении я о ней не говорю, потому что в действительности она не есть вера. По-видимому, именно такая вера в Бога была у большинства книжников и фарисеев, однако Христос сказал им: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даёте десятину с мяты, аниса и тмина, и *оставили* важнейшее в законе: суд, милость и *веру*» (Мат. 23:23). Согласно же Откровению, Он говорит Ангелу Лаодикийской церкви: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но так как ты *тёпл*, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак, будь *ревностен* и покайся» (Отк. 3:15-16,19). Что же движет человеком, который совершает обряд без действительной веры в Бога? Если оставить в стороне случай внешнего воздействия, то им движет вера в сам обряд. В его совершении она тождественна ему, т.е. вполне реальна. Реальная вера, не полагающая центром всей жизни самого Бога, есть вера не в Бога, а в сам обряд. Из неё следует, что обряд *необходимо* принесёт некоторое благо, нужно только правильно его совершать; если это, например, обряд освящения, то, согласно вере в него, он не может не освятить. Очевидно, вера в обряд – уже не христианство. Так как у человека нет действительной веры в Бога, он не может обращаться к Нему: своим обрядом он обращается к Богу только формально. Справедлив ли этот вывод, ведь человек как будто молится? Но как обращаться к тому, в кого не веришь? Не адресовано ли такое обращение своему воображению, т.е. самому себе?

В-третьих, такой обряд может совершаться даже с действительной верой, но ему не тождественной. Она может быть тождественна не ему, а внутренней молитве. В этом случае у человека вера-молитва – сама по себе, а обряд – сам по себе. Что же здесь побуждает человека его совершать, если не говорить о случае внешних обстоятельств? Мне кажется, опять-таки вера в сам обряд, которая в его совершении тождественна ему. Значит, в этом случае вера-молитва совмещается с верой в сам обряд, т.е. христианская вера с нехристианской.

Вера, тождественная обряду, есть обращение к Богу и людям. Но и обратно, обращение к Богу и людям есть вера, тождественная обряду. Таким образом, вера-обряд и это обращение – одно и то же. Если человек действительно обращается к Богу и людям, он имеет веру-обряд, т.е. веру, которая вполне реальна. Вместе с верой-обрядом у него может быть вера-молитва. Наконец, к вере-обряду или к ней и вере-молитве может присоединяться вера в сам обряд: к реальной христианской вере – реальная нехристианская.

Существует мнение, что обряд укрепляет веру в Бога. Но так как эта вера является благодатью, это мнение означает, что обряд даёт некоторую благодать. В действительности же, мне кажется, благодать, в частности, вера даётся непосредственно Богом, и если Он даёт вполне реальную веру, то Его дар есть вера, тождественная обряду. Если же Сам Бог не даёт веру в Бога, то в совершении обряда есть, самое большее, реальная вера в сам обряд.

Вера, тождественная обряду, – святой Божий дар. Так как она включает в себя этот обряд, то он свят, и, значит, свято всё, что в него входит. В частности, в нём святы, освящены тело совершающего его человека и подлежащие освящению вещи, если они есть.

Это не означает святости обряда, которому не тождественна вера. Отсюда не следует также освящённость какой-либо вещи, взятой вне веры-обряда. Если, однако, употреблением вещи, полагаемой освящённой, человек обращается к Богу, то оно есть уже обряд, которому тождественна вера. Значит, внутри этого употребления вещь, полагаемая освящённой, действительно освящена, как и всё другое, что в него входит.

Мне кажется, с этим связано освящение вещи, прикасающейся к другой вещи, которую мы считаем освящённой. В Библии о таком освящении впервые говорится, если не ошибаюсь, в Исх.29: 37: «всё, прикасающееся к жертвеннику, освятится». Затем, в Исх.30:29, сказано, что освятится всё, прикасающееся к скинии собрания, ковчегу откровения, столу, его принадлежностям, светильнику, его принадлежностям, жертвеннику курения, жертвеннику всесожжения, его принадлежностям, умывальнику и его подножию. И Христос такое освящение признаёт: «что больше: золото или храм, освящающий золото?... что больше: дар или жертвенник, освящающий дар?» (Мат.23:17,19). Наконец, оно принято православием и католичеством. Понимать его можно следующим образом. Если мы считаем некоторую вещь

освящённой и, прикасаясь к ней другой вещью, обращаемся этим действием к Богу, то оно есть обряд, которому тождественна вера, и, значит, в этом нашем действии освящена как первая вещь, так и вторая.

В душе человека, обращающегося к Богу своим обрядом, есть святость, так как есть тождественная ему святая вера. Но отсюда не следует, что в этой душе нет греха. Если этот обряд объемлет и других людей, в нём, очевидно, освящено не только тело совершающего его человека, но и их тела. И есть святость в душах тех из них, кто имеет веру-обряд или веру-молитву.

Итак, у человека могут быть две реальные веры – каждая в отдельности или обе вместе: вера в Бога, тождественная обряду, и вера в сам обряд, также тождественная обряду. Первая вера – от неба и усыновляет человека небу, вторая вера – от земли и усыновляет его земле. Первая – бодрствование и жизнь, вторая – сон и смерть. Если в человеке совмещаются обе веры, в нём борется бодрствование со сном, жизнь со смертью.